

Game potential of the word (based on association dictionary)

The article in the light of “Russian association dictionary” presents the analysis of the game “projections” of perception of the verbal signs in experimental mode of spontaneous response of respondents to set incentives. The potential effect of language game is viewed on the basis of the original association encounters characterized by the main directions of updating the game based on word association types (formal, formal-semantic, semantic). The total composition of the associates presented in the dictionary entry allows detection of differently oriented strategies and techniques of language game in relation to the same stimulus. The description of the game is determined by the ratio of intention stimulus — response (taking into account the presuppositions of updated modeling gaming concept, and linguistic methods of switching the associative patterns on a background pop analogies). Language game thus appears as an operational component of language ability reflecting hemispheric cooperation mechanisms (association) and the left hemisphere (analytical) thinking in the treatment of cognitive processes and the actual linguistic information. Tendency to the language game and priorities in the selection of its registers are defined as features of the lateral profile of the speaker, as well as cognitive and linguistic-cultural basis, the basis of the psychological reality of values in the consciousness of the individual subject.

Keywords: a language game, word associative potential, associative lexicography.

© М. Джусупов, К. Сапарова

*Узбекский государственный университет мировых языков,
г. Ташкент*

Фоностилистика и звуковая интерференция как истоки вариативности функционально-стилевого маркера языковой единицы и речи¹

В статье анализируется проблема взаимосвязи фоностилистики и звуковой интерференции; фоностилистика и звуковая интерференция рассматриваются как причины порождения вариативности стилистической окраски в языке и речи; стилистические маркеры языковой единицы в речи билингва подразделяются на те, которые являются нормой для данного языка и на те, которые появляются в результате формирования в сознании говорящего искаженного психообраза языковой единицы. Интерференция способствует порождению другой стилистической окраски языковой единицы, чем та, которая была у нее в нормативной русской речи. Такая стилистическая окраска слова, как правило, характеризуется сниженностью, так как «искаженное» произношение воспринимается исконным русофоном как разговорно-бытовая, а не книжная. Звуковая интерференция порождает ложные фоноварианты слов русского языка, которые не свойственны нормативной русской лексике и орфоэпии. В этом плане наблюдаются серьезные различия в объеме тео-

¹ Статья публикуется по оригиналу текста, опубликованного в Вестнике Карагандинского гос. университета им. Е. А. Букетова. Серия «Филология». 2013. № 1. С. 4–11.

ретически возможной и фактически функционирующей фоностилистической звуковой интерференции в русской речи тюркофонов.

Ключевые слова: фоностилистика, речевая интерференция, вариативность, функциональная стилистика, парадигматика, синтагматика, билингвизм.

1. Вводные замечания

Тип или вид стилистической маркированности языковой единицы и речи как в устной, так и в письменной форме ее реализации зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Эти факторы способны менять стилистическую окраску языковой единицы как в рамках одного функционального стиля, так и в рамках разных функциональных стилей, поэтому стилистическая вариативность отдельной языковой единицы или высказывания — явление как внутрестилевое, так и межстилевое.

Лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих смене стилистической окраски лексемы или предложения, много. Эти факторы можно дифференцировать на следующие разновидности:

1. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах данного языка (например, русского). В этом случае смена стилистического маркера (или стилистическая вариативность) происходит за счет ресурсов одного языка. Влияния второго или третьего языка не наблюдается. Такой тип функционально-стилевой вариативности стилистической окраски является ведущим. К этому типу смены стилистического маркера языковой единицы и речи относится прежде всего фоновариативность, т. е. средства фоностилистики, а также лексическая синонимия и т. д.

2. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах как данного языка (например, русского), так и другого языка, контактирующего с русским языком (например, казахского или узбекского). В этом случае смена стилистического маркера языковой единицы происходит под воздействием другого (второго) языка. Как правило, такая смена функционально-стилевого маркера — результат ошибки индивида или социума в речи на неродном (изучаемом) языке. Подобная стилистическая вариативность — нарушение стилистиче-

ских норм изучаемого (русского) языка. Однако с точки зрения индивида, только-только формирующегося в качестве билингва, это не ошибка. С точки зрения же индивида — носителя русского языка — это ошибка, которая в подавляющем большинстве случаев воспринимается как отрицательная смена стилистической окраски языковой единицы и речи. Такая смена стилистической окраски чаще всего оценивается как сниженная.

Причиной этого типа смены стилистического маркера языковой единицы и речи прежде всего является интерференция (в нашем случае звуковая интерференция).

Изучение вариативности стилистического маркера, как и всякого языко-речевого явления, тесно связано с уровневой структурой языка, дихотомией *язык и речь*, парадигматикой и синтагматикой языковых единиц. Поэтому прежде чем приступить к изучению смены стилистического маркера с позиций положений фоностилистики и звуковой интерференции, коротко рассмотрим вышеназванные основополагающие понятия и положения языка как системы и языка как процесса.

2. Язык как парадигматическая и синтагматическая структура

А. А. Реформатский писал, что без структурного понимания языка «нельзя дать правильного (т. е. адекватного действительности) синхронного описания языка в любом его историческом статусе (будь то сугубая современность или же какой-нибудь там XI век), совершенно невозможно строить типологию языков <...> структурное понимание языка преследует цель более высокой степени реальности познания лингвистического объекта и более адекватной его интерпретации в изложении науки» [1].

Язык, по А. А. Реформатскому, как орудие коммуникации и важнейший источник информации, проявляется прежде всего в своем знаковом качестве и структурно-системных свойствах, которые определяют рассмотрение и изучение фактов языка в рамках структурализма, то есть язык — «логически организованная репрезентация онтологии своего предмета» [2], которая реализуется в парадигматике и синтагматике. Он состоит из знаков и его отношений, воспринимаемых как знаки в их аналитической и структурной расчлененности по ярусам и уровням. Лингвистические знаки как члены системы входят в определенные системные связи и

структурные отношения в пределах каждого из ярусов и уровней языка и вне этих связей и отношений они не существуют.

Язык выявляет в каждом ярусе своей структуры иерархически соподчиненные единицы и их аллоэмы (аллофоны, алломорфы, аллосемы и т. п.) и устанавливает соотношения между единицами разных ярусов: «высшая единица низшего яруса является низшей единицей высшего яруса» [3]. В структуре языка наблюдаются тождества и нетождества как в пределах одного яруса, так и в пределах разных ярусов, поэтому понятие структуры языка нельзя подменять понятием механического упорядочения и устройства.

Структурное понимание языка сводится в целом к следующим основным положениям [4]:

1. Язык — система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов (Ф. де Соссюр).

2. Язык характеризуется структурной стратификацией и выделением языковых уровней.

3. Единицы языковых уровней тесно связаны между собой и обуславливаются друг другом.

4. Взаимосвязанность и взаимообусловленность структурных элементов языка отражается в парадигматическом и синтагматическом аспектах функционирования языковых единиц.

5. Структура языка не носит характер «механического упорядочивания и устройства». Она способствует раскрытию функциональной природы языковых единиц как коммуникативных средств общения, создавая предпосылки для реализации их семантической и семасиологической специфики.

Образцом структурного понимания языка и его ярусов, как утверждает А. А. Реформатский, является фонология [5]. Так, структурное понимание языка в разработке проблем в области фонологии отражается:

- 1) в различении релевантных и иррелевантных признаков и их иерархии в составе фонемы;

- 2) в определении звуков, которые не могут встретиться в одной позиции или могут замещать друг друга как аллофоны в тех же морфемах, как разновидностей одной фонемы, а звуков, которые могут встречаться в одинаковой позиции и различать смысл — как различных фонем;

3) в разграничении фонетического варьирования и морфологических (морфонологических) альтернатив;

4) в качественной дифференциации типов и результатов варьирования, нейтрализации противопоставленных фонем в одном варианте и вариации фонемы;

5) в структурном подразделении позиций на сигнификативные, связанные с дифференциацией и нейтрализацией, и перцептивные, позволяющие определить основной вид фонемы и ее вариации;

6) в выявлении результатов нейтрализации фонем вследствие их варьирования;

7) в выделении категорий фонем, ведущих и побочных в порядке своей иерархии, обуславливающих всю фонетическую систему языка [6].

Структурное понимание языка предполагает синхронное изучение и описание его структуры, поиск эффективных методов лингвистического анализа и описания языковой системы в целом.

Одним из таких методов структурного описания фонологии и других ярусов языка является метод анализа различных фонетических явлений в аспекте теории значения.

Теория значения составляет основу лингвистической концепции Дж. Р. Ферса — идейного организатора и теоретика Лондонской лингвистической школы [7].

Согласно теории значения Дж. Р. Ферса, каждая языковая единица имеет значение, которое определяется как комплекс функций, осуществляемых данной языковой единицей в высказывании, в определенном контексте и ситуации коммуникации. Этим комплексом функций, то есть значением, наделяется лингвистическая форма языковой единицы.

Каждый уровень языка создает те или иные условия для реализации одной (нескольких) из функций лингвистической формы, выступая для нее определенным контекстом. В связи с этим значения лингвистической формы конкретизируются, подразделяясь на семантическое, грамматическое, фонологическое и др.

Контекст на внутрilingвистических уровнях анализа подразделяется на два измерения: парадигматическое и синтагматическое, которые рассматриваются как «единство, одновременно раскрываемое в ходе анализа» [8]. Последнее обстоятельство есть непременное условие эффективности исследования речевой деятельно-

сти во всем многообразии ее проявлений и функций в наши дни, когда наблюдается переход от формального структурализма лингвистических изысканий к функционально-коммуникативному подходу. Иначе говоря, лингвистические исследования языковой системы не сводятся сегодня к простому описанию и инвентаризации языковых средств, а преследуют цель их изучения в непосредственном процессе общения, в реальных актах коммуникации. Анализ функционирования языковых единиц в речи, их синтагматических и парадигматических особенностей позволяет выявить совокупность всех возможных взаимосвязей и взаимоотношений, в которые вступают языковые средства в процессе речепроизводства, и следовательно, установить систему и структуру их языковой организации.

Изучение парадигматических отношений, по Дж. Р. Ферсу, должно способствовать установлению системы, а анализ синтагматических отношений позволить раскрыть структуру. Таким образом, языковые средства, вступающие в парадигматические отношения, выступают членами парадигматической системы, а языковые средства, вступающие в синтагматические отношения — членами синтагматической структуры.

Из вышеизложенного следует, что система реализует парадигматические отношения языковых средств, а структура обуславливает их синтагматические особенности. Условием реализации парадигмо-синтагматических отношений языковых средств является наличие позиции.

3. Фоновариативность и стилистическая окраска

М. В. Панов, исследуя произносительные изменения в русском литературном языке, определяет синтагматические фонетические законы как законы сочетания единиц, а парадигматические — как законы чередования единиц [9].

Синтагматические фонетические законы изучаются в фонетической синтагматике, или синтагмо-фонологии [10]. Основная задача синтагмо-фонологии сводится к вопросам различения слов посредством анализа законов сочетания звуковых единиц и выявления их различителей — звуковых признаков.

Звуковые признаки, выполняющие в составе слова различительную функцию, называются, по М. В. Панову, синтагмо-

фонемами. Например: единственным признаком, различающим слова *вес* и *весь*, *влез* и *влезь* является твердость согласного [с] в позиции конца слова. Этот признак можно также назвать релевантным, функциональным, значимым [11].

Фонетическая парадигматика, или парадигмо-фонология, изучает парадигматические фонетические законы — законы отождествления звуковых единиц, которые позиционно чередуются. В качестве основной единицы в фонетической парадигматике выделяется парадигмо-фонема.

Парадигмо-фонема — это «ряд позиционно чередующихся звуков, которые являются (ввиду того, что они чередуются позиционно) функциональным тождеством» [12]. Например: в парадигмо-фонему [д] в словах *род-родной-родить*, *обед-обедать-обеденный* объединяются звуки [т-д-д'], а парадигмо-фонему [б] в словоформах *хлеб-хлеба-о хлебе*, *раб-раба-о рабе* составляют звуки [п-б-б'].

Существующие исследования по фоностилистике посвящены преимущественно анализу стилистико-звуковой (или фонетико-стилистика) парадигматики. Исследование же синтагматического аспекта произносительной стилистики до сих пор остается вне поля зрения фоностилистов.

В то же время, как нам представляется, исследование синтагматического аспекта произносительной стилистики в совокупности с парадигматическими позволило бы полнее отразить динамику функционирования фоновариантов языковых единиц, обладающих стилистической окраской и раскрыть механизм фоностилистика организации высказывания. [См. подробно: 13 и 14].

Так, нередко выбор того или иного фоноварианта слова связан со структурно-грамматическими, точнее, синтагматическими особенностями слова. Например, фоновариант союза и частицы *же*, обозначающий то же, что *же*, употребляется после слов, оканчивающихся на гласный: *Куда ж ты?* Со стилистической точки зрения фоноварианты *ж* и *же* не разграничены. Фоновариант союза и частицы *ль* также употребляется после слов, оканчивающихся на гласный, однако по отношению к стилистически нейтральному варианту произношения является книжным.

Таким образом, в разработке проблем фоностилистика недостаточно констатировать инвентарь фонетико-стилистика парадигм (фоновариантов языковых единиц). Следует принять во вни-

мание, в какие синтагматические отношения вступают данные фоноварианты, как они используются в звучащей речи, чем мотивируется их выбор в конкретной сфере или ситуации общения.

Заметим, что исследование синтагматического и парадигматического аспектов функционирования стилистически обусловленных звуковых средств будет неполноценным без учета семантической функции фоновариантов языковых единиц, определяемой в тесной связи с конкретной ситуацией, в которой используются эти фоноварианты.

Синтагматические и парадигматические отношения стилистически обусловленных фоновариантов языковых единиц свидетельствуют о наличии фоностилистической системы и структуры языка. Действительно, в каждом языке наблюдаются варианты формы выражения одной и той же языковой сущности. Речь идет не только о синонимах, которые представляют собой разные лексические единицы с близким или тождественным значением, но и о производных вариантах одной и той же языковой единицы (фонемы, слова, словосочетания, предложения и т. д.). Например, в русском литературном языке небольшое или молодое дерево называется *дере́вце*, но можно сказать и *дере́вцо*. Казахский народный щипковый музыкальный инструмент с грушевидным корпусом, длинным грифом и двумя струнами, родственный русской домре и балалайке, называется *дóмбра* (в русском произношении), но можно и *домбра́* (аналогично казахскому произношению). Национальное русское блюдо — праздничный или обрядовый пирог из сдобного пресного теста с начинкой из курятины с белыми грибами, яйцами, петушиными гребешками, пряной зеленью называется *ку́рник*, но можно также произносить и как *курни́к* (примеры представлены из Большого толкового словаря русского языка [15]).

Эти и подобные фоноварианты языковых единиц представляют собой системные факты, так как они являют собой формы выражения объективного содержания, выбор одной из которых требует от говорящего на каком-либо языке определенных системных знаний о правильном и уместном построении высказывания, оформления своих мыслей. Фоноварианты языковых единиц могут различаться степенью частотности их употребления, некоторыми семантическими оттенками эмоционально-экспрессивного или прагматического характера, сферой и ситуацией функционирования, террито-

риальной обусловленностью и т. д. Существование и функционирование параллельных форм звукового оформления одной и той же языковой сущности в рамках системы языка зависит не столько от лингвистических факторов (хотя их порождает сама языковая система), сколько от внеязыковых, экстралингвистических.

В этом вопросе мы придерживаемся мнения В. Дорошевского о том, что степень системности языковых форм (конструкций) «нельзя точно определить, не учитывая их внеязыковой социальной значимости. Смысл понятия системности — в его социальном характере; никакого иного смысла это понятие иметь не может: системно то, что является нормой в определенной среде». Термин «системный» «может значить только «средовой», а «средовой» значит — присущий составляющим известную совокупность людям». Следовательно, «познавать языковую норму мы можем, лишь изучая язык как социальный процесс, т. е. в его речевых (устных или письменных) проявлениях. Всякая языковая норма существует постольку, поскольку она предопределяет употребление говорящими на данном языке известных форм» [16].

Выбор той или иной формы языкового выражения обуславливается наряду с другими причинами социально-языковым опытом говорящих на данном языке индивидов. Чаще всего воспроизводится общественный, принятый данным коллективом и распространенный среди его членов языковой образец. Этот образец может быть отличным от общелитературной, кодифицированной нормы. Дело в том, что наличие в системе языка нескольких производных вариантов неизбежно свидетельствует о том, что для каждого отдельного говорящего на передний план выступает только один из них. А это с точки зрения говорящего, в отличие от точки зрения лингвиста, — не стилистический вариант, а норма, которая может отличаться от закреплённой в словарях. Следовательно, явление фоноварьирования, а шире — фоностилики, — это не механическая сумма фоновариантов языковых единиц, а проявление языка в условиях определенного контекста жизненной ситуации того или иного коллектива. В таком контексте проявление индивидуального языка отдельной личности, не несущее особой стилистической нагрузки, будет воспринято как ошибка, отклонение от общепринятой нормы.

4. Звуковая интерференция и стилистическая окраска

В сознании человека и общества сформированы психообразы (психические образы или психические впечатления по И. А. Бодуэну де Куртенэ [17]) языковых единиц того языка, который является генетически родным или же является языком № 1, на котором осуществляется все языковое общение. Именно это обстоятельство позволяет всем представителям одного языка полноценно понимать друг друга независимо от того, на одном или на разных географических пространствах они расселены. Психообразы языковых единиц в сознании индивида и общества формируются в условиях родной языко-речевой стихии. Если же человек с младенческого возраста воспитывается в условиях неродной языковой стихии, то в его сознании формируются психообразы языковых единиц и их сочетаний генетически неродного языка, который становится основным средством общения.

Таким образом, психообразы языковых единиц и их сочетания не присутствуют в сознании человека от рождения: они формируются в конкретном языковом коллективе, т. е. начинают присутствовать и функционировать после рождения человека, когда он (ребенок) различает звучание слов, их значения и употребляет в речи соответствующие языковые единицы.

Формирование психообразов языковых единиц неродного (или второго) языка в сознании индивида связано с восприятием и пониманием новых звуков, слов и их сочетаний, которые ранее ему были неизвестны. Формирование новых (неродных) психообразов языковых единиц в целом сопровождается двумя процессами, которые в языкознании называются фацилитацией и интерференцией.

Фацилитация — это сходство родного и неродного языков, которое облегчает овладение вторым языком, а следовательно «безболезненно» формирует в сознании индивида новые (неродные) психообразы языковых единиц и их сочетания. Таким образом монолингв становится билингвом. При наличии фацилитации в сознании индивида формируются правильные (неискаженные) психообразы языковых единиц неродного языка.

Интерференция — это ошибки в речи на втором языке, которые порождаются несходством в значениях, в структурах языковых единиц родного и неродного языков. Интерференция может быть: теоретически возможной и фактически присутствующей; уровне-

вой (фонетико-фонологической, лексической, словообразовательной, морфологической, синтаксической); надуровневой (ситуативной, стилистической) и т. д. Традиционно речевую интерференцию понимают как результат отрицательного влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком, т. е. интерференция определяется как результат одностороннего процесса.

Мы же речевую интерференцию понимаем как двусторонний процесс, т. е. как результат одновременного влияния особенностей и родного языка, и неродного языка [18].

При наличии интерференции в сознании индивида формируются искаженные (неправильные) психообразы языковых единиц неродного языка, которые могут влиять на изменение функционально-стилевой маркированности языковой единицы изучаемого языка в речи билингва. Функционально-стилевая маркированность звучащей речи на неродном языке характеризуется вариативностью. Объясняется это многими причинами. Одной из главных среди них, на наш взгляд, является наличие звуковой интерференции в речи на втором языке, которая появляется в результате контактирования в сознании говорящего звуковых психообразов родного и неродного языков и реализуется в фонетической продукции [19]. Таким образом, звуковая интерференция — это проблема не только артикуляционно-интонационная, но и функционально-стилевая.

Изменение функционально-стилевой принадлежности речи на неродном языке в условиях субординативного билингвизма происходит как на уровне отдельного слова, словосочетания, предложения, так и на уровне текста. Например:

1. Когда в тюркской (казахской, узбекской и др.) аудитории билингв произносит [б'еш'ір'] вместо *вечер*, то это слово в восприятии русского человека теряет свою нейтральную стилистическую окраску и приобретает разговорную (сниженную). Для самого говорящего функционально-стилевая принадлежность слова в данном случае не имеет никакого значения, так как на этом этапе овладения языком он занят только тем, чтобы фонетически правильно его воспроизвести. И наоборот, когда этот же индивид произносит русское слово со сниженной стилистической артикуляцией, но очень аккуратно (искусственно правильно), с повышенной интонацией, то это слово в восприятии таких же, как он, изучающих русский язык индивидов приобретает высокую стилистическую окраску.

Например: [бо:лва:н] (обе гласные под ударением) *болван*. В восприятии русского человека такое неестественное произношение в еще большей степени снижает стилистическую окраску языковой единицы.

2. Такое же явление наблюдается в русской речи студента с тюркским языковым мышлением, когда он продуцирует предложение или микротекст. Так, следующее предложение с нейтральной стилистической окраской в его звучащей речи приобретает разговорную (сниженную) стилевую принадлежность, например: [маскыва ысталиса руссии] *Москва — столица России*.

Итак, функциональные стили звучащей речи характеризуются как постоянством, так и непостоянством. Последнее (непостоянство) зависит как от внутренних возможностей языка и звучащей речи, так и от особенностей взаимодействия и взаимовлияния двух контактирующих звуковых систем. Речь на неродном языке, сопровождающаяся звуковой интерференцией, искажается не только фонологически и фонетически, но и стилистически. Отрицательная стилистическая функция звуковой интерференции мало исследована, что объясняется, на наш взгляд, следующими положениями:

1. Явной наглядностью фонетико-фонологической интерференции в речи билингва на неродном языке в отличие от функционально-стилевой принадлежности самой речи в целом. Носитель языка звуковые ошибки в речи билингва воспринимает сразу и оценивает такое произношение как сниженное, ненормативное. При этом он (носитель языка, изучаемого билингвом) может и не знать настоящую стилевую принадлежность языковой единицы или данного отрезка речи (функционально-стилевая: научная, официально-деловая, публицистическая, художественная, разговорная; эмоционально-экспрессивная: стилистическая окраска радости, восторга, пренебрежения, унижения и т. д.). Для него главным является то, что билингв произнес неправильно не только в плане звуковом, но и в плане стилистическом. Произнесенное билингвом не соответствует стилистическому психообразу языковой единицы или речи в целом, сформированному в его сознании, поэтому он интерференцированную речь воспринимает прежде всего как речь со сниженной (в лучшем случае с разговорной) стилистической окраской.

2. Иерархичностью звукового строя языка как самостоятельного уровня в отличие от межуровневости стилистики в целом и

функциональной стилистики в частности. Тот факт, что стилистика не входит в уровневую структуру языка, порождает много сложностей у обучающихся в процессе овладения ею. Для билингва представляет большую трудность усвоение соотношения стилистической окраски со всеми уровнями языка: например, то, что стилистическая окраска высоты может быть создана как средствами фонетики, так и средствами всех других уровней языка. Именно это обстоятельство способствует тому, что говорящий на неродном языке в звуковом плане может маркировать языковую единицу любой стилистической окраской (прежде всего сниженной).

3. Сложностью определения функционально-стилевой принадлежности языковой единицы или отрезка звучащей речи неродного языка. Человек, допускающий в речи на неродном языке речевую интерференцию, слабо владеет этим языком, следовательно, для него большой трудностью является и правильное определение стилистического маркера языковой единицы или высказывания в целом. Объясняется это тем, что в его сознании не сформированы психообразы типов и видов стилистической окраски второго языка.

4. Сложностью обнаружения связи фактов звуковой интерференции на неродном языке с функционально-стилевым статусом языковой единицы или завершенного по смыслу отрезка речи. Исследователь речевой интерференции и стилистики практически не уделяет внимания факту связи изменяемости стилистического маркера языковой единицы с типами и видами произносительных ошибок в речи билингва на втором языке. Эта связь очень тонкая. Исследователь, как правило, рассматривает речевую интерференцию и стилистическую окраску отдельно, независимо друг от друга. (Исключением является выделение стилистической речевой интерференции. Но в этом случае вариативность функционально-стилевого маркера языковой единицы или речи не исследуется как результат порождения интерференцированной речевой продукции).

5. Незаработанностью (или малоисследованностью) методики дифференциации фактов фоностилистики и ее лингводидактического описания [20] и фактов изменения функционального стиля речи на неродном языке под влиянием звуковой интерференции.

Итак, функциональные стили звучащей речи и звуковая интерференция, появляющаяся в процессе речепроизводства на неродном языке, имеют точки соприкосновения. Исследование функцио-

нальных стилей звучащей речи на неродном языке с учетом влияния фактов звуковой интерференции на стилистический статус языковой единицы, завершеного отрезка речи или же речи в целом имеет большое лингвотипологическое и лингводидактическое значение.

5. Заключительные замечания

Исследование функциональных стилей звучащей речи, их вариативности как в плане содержащихся в ней отдельных языковых единиц, так и в целом высказывания имеют не только монолингвальное, но и би- и полилингвальное значение. Монолингвальный аспект исследования смены стилистического маркера в языке и речи традиционно осуществляется регулярно и последовательно (стилистическая фоновариативность, стилистическая синонимия и т. д.). Полилингвальный же аспект данной проблемы почти не изучен. На наш взгляд, это обстоятельство объясняется тем, что смена стилистического маркера языковой единицы за счет внутренних и внешних свойств одного языка — явление хорошо просматривающееся, имеющее четкие границы в рамках каждого языка. Например, смена стилистической окраски языковой единицы в русском языке за счет изменения ее фонемного состава или же за счет изменения места словесного ударения. В случае же с изменением стилистического маркера языковой единицы, например, русского языка, под интерферирующим влиянием второго языка (например, казахского или узбекского) — явление четко не просматривающееся, явление, не имеющее очерченных границ, так как является продуктом отрицательного влияния особенностей другого языка. Поэтому подобную смену стилистической окраски языковой единицы, как правило, относят к проблеме теории интерференции. Мы считаем, что изменение стилистической окраски языковой единицы в речи билингва на неродном языке под воздействием особенностей родного языка и в связи с незнанием стилистики изучаемого языка следует рассматривать не только как проблему теории интерференции, но и как стилистическую проблему внутри русского языка (в нашем случае). Такой подход будет способствовать рассмотрению данного стилистического явления как междисциплинарного явления, как «отрицательного» результата лингвокультурологической межкультурной коммуникации. Это позволит расши-

рить исследование «интерференцированной стилистики» (термин М. Джусупова) как в рамках теории интерференции, так и в рамках стилистики русского (или любого другого) языка, лингвистической типологии, лингводидактики, методики и межкультурной коммуникации.

Примечания

1. *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 516–517.
2. Там же. С. 517.
3. Там же. С. 518.
4. *Реформатский А. А.* Указ. соч.
5. Там же. С. 519.
6. Там же. С. 522–523.
7. *Горджаянц С. М.* Общелингвистические аспекты фонетико-просодической концепции лондонской лингвистической школы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
8. Там же. С. 9.
9. *Панов М. В.* История русского литературного произношения 17–20 вв. М., 1990. С. 6.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 7.
13. *Джусупов М., Маркунас А., Сапарова К. О.* Современный русский язык. Фоностилика: вузовский учебник. Познань, Республика Польша, 2006.
14. *Сапарова К. О.* Фоностилика русского и узбекского языков. Ташкент, 2006.
15. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002.
16. *Дорошевский В.* Несколько слов о понятии системы в языке (Язык и шахматы) // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 125.
17. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* О связи фонологических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 163–174.
18. *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент, 1991.
19. Там же. С. 145–146.
20. *Джусупов М., Сапарова К. О.* Лингводидактические проблемы фоностилистики как учебной дисциплины // Русский язык за рубежом. 2006. № 3. С. 53–60.

Phonostylistics and sound interference as the sources for variability of functional stylistic marker of language and speech units

The article focuses on the issues of relationship between phonostylistics and sound interference which are viewed as reasons for producing variability of stylistic colourings in language and speech. Stylistic markers of language units in a bilingual person's speech are divided into two main varieties: 1) those that are considered to be the norm for the

given language; 2) those that appear as a result of formation of a distorted psychological image in the language speaker's mind. The interference furthers origination of another stylistic nuance of a lingual unit, than it had in a normative Russian speech. The interferential stylistic nuance of a word is characterized by substandard vocabulary, as a rule, because the Russian speaking individual perceives the "distorted" pronunciation as informal, spoken nuance of a word, but not a bookish style. The phonetic interference originates the false phonovariants of words of the Russian language. These phonovariants are not typical to normative vocabulary and orthoepy of the Russian language. The serious differences between potential and actual phonostylistic interference in the Turkic speaking individual's speech are observed.

Keywords: phonostylistics, variability, sound interference, functional-stylistic colouring, speech, language unit, paradigmatics, syntagmatics, bilingualism.

© В. В. Дубичинский

Варшавский университет, Польша

О новом лексикографическом проекте: Русско-немецком словаре лексических параллелей

Статья репрезентирует новый вид переводного лингвокультурологического словаря, который описывает значения лексических параллелей русского и немецкого языков. Лексические параллели — это лексические единицы двух синхронически сравниваемых языков, сходные по внешней (устной и/или письменной) форме и сходные, неполностью сходные или несходные по значению. Лексикографическое описание лексических параллелей ведется методом сопоставления семантических структур на уровне отдельных значений. Автор определяет и иллюстрирует три типа лексических параллелей — полные, неполные и ложные — выделяет сходные (интерсемемы), несходные (идиосемемы) значения сравниваемых лексических единиц русского и немецкого языков. К каждой идиосемеме приводятся переводные эквиваленты. Описываемый словарь предоставляет возможность заполнить лексические лакуны, раскрыть национально-культурную специфику слов в систематическом виде. Контрастивный анализ предполагает также рассмотрение переводческих трудностей и на семном уровне. Предлагается новое, нетрадиционное понимание таких лингвистических феноменов, как «ложные друзья переводчика», «лексические интернационализмы», «межъязыковые омонимы» и «межъязыковые паронимы».

Ключевые слова: лексические параллели, русский и немецкий языки, межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы.

Лексикографический проект «Русско-немецкий словарь лексических параллелей» (РНСПП) [1] создавался в творческом содружестве лингвистов Харьковского лексикографического общества при Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» (Украина) и Института славистики Клаген-